

ИСТОКИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ПРИАМУРЬЯ

В конце XIX века Приамурье воспринималось культурно отсталой окраиной России, хотя причина этой отсталости была более чем уважительной – историческая молодость края. Посетивший Благовещенск летом 1897 года писатель Владимир Людвигович Кигн (Дедлов) нашёл здесь (как, впрочем, и в других городах Дальнего Востока – Хабаровске и Владивостоке) лишь «зачатки культуры». Край только-только ещё начинал осваиваться русскими, и это освоение, несмотря на бурные темпы, имело, в первую очередь, хозяйственно-экономическую и военно-политическую направленность. Правительство откомандировывало сюда по служебной надобности тех, кто должен был участвовать в решении задач государственной важности. С этой же целью было организовано и масштабное переселение на Амур. Укрепление обороноспособности дальневосточных рубежей, дипломатия, развитие промышленности и транспорта, строительство, добыча золота, торговля, сельское хозяйство – вот те сферы, которые были приоритетными, которые получали поддержку на государственном и местном административном уровнях. О культурном развитии новоприобретённого края высокие государственные мужи тогда вряд ли задумывались. Оно, видимо, должно было стать внутренней потребностью, а затем и делом рук самих жителей края. Кем же они были, какими интересами жили, насколько нужна им была культура, в том числе художественная?

Какую-то часть новопоселенцев, оказавшихся здесь по доброй воле, привлекала экзотика этого почти неизведанного края, других – патриотический порыв, желание принять участие в столь масштабном и дерзновенном по замыслу государевом деле, благо на новых землях открывалось невиданно широкое поле деятельности – хозяйственной, коммерческой, административной, просветительской, религиозной. Третьих манили возможности быстрого карьерного роста. Четвёртые мечтали о свободе, хотели скрыться здесь от судебных преследований, от политического сыска. Кроме того, на новые земли, прославившиеся «русской Калифорнией», краем, где можно сказочно быстро разбогатеть, слетались во множестве любители наживы, разного рода «джентльмены удачи», лихие, склонные к аферам дельцы, в том числе и уголовники. Но подавляющее большинство жителей Приамурья – простой народ, которому вряд ли было до культуры. Об этой этнически разношерстной категории поселенцев со знанием дела рассказал поэт Порфирий Масюков в стихотворении «Тайга», написанном примерно в конце 1880-х:

А ныне толпами стремится
Народ отовсюду сюда,
Кто ищет скорее нажиться.
Кого просто гонит нужда.
Тут есть и татарин скуластый
В ермолке расшитой своей,
И есть старовер бородастый,
И немец, и юркий еврей.
Тут есть и хохол грубоватый,
И гордый, хвастливый поляк,
И смуглый кореец косматый,
И здешний амурский казак.
Со всех мест России широкой,
От Волхова, Камы, Оки,
От матушки Волги глубокой
Стеклися сюда бедняки.

Как отмечал известный амурский краевед А.В. Лосев, в столице охваченного золотой лихорадкой края проявления человеческой чистоты, благородства, самопожертвования были чрезвычайно редкими, зато проявлений жадности и жестокости в погоне за золотым тельцом было хоть отбавляй.

Об облике Благовещенска той поры и царящих в нём нравах и обычаях дают представление как художественные произведения местных авторов, так и путевые заметки побывавших в Приамурье известных русских писателей. Так, в «эскизе в стихах» «Тина», датированном 1895 годом, первый амурский поэт Леонид Волков с грустью писал:

В соседстве дикого Китая,
В стране, обвеянной пургой,
Где волны дружные сливая,
Река встречается с рекой, –
Закрытый с севера горами,
Богатый пылью и ветрами,
Востока дальний уголок,
Лежит и дремлет городок.
Бессильно времени теченье
Познать в нём уровень ума,
Пустила корни крепко тьма –
Одно обычно здесь волнение
Толпе развратной и пустой –
Жар лихорадки золотой...
Не много в городе веселья,
Желанья мелки, жизнь пуста,
Зевают жёны от безделья,
Мужья сражаются в винта...
И часто грустная картина,
Что лени пошлая рутина,
Тяжёлым гнётом пустоты,
Прессует чувства и мечты...
Одними сплетнями занятая;
Боязнь, как каторги, труда;
В уме – перины да еда,
Да развлеченья в виде платья...

Конечно, столица Амурской области в конце XIX столетия выглядела не очень презентабельно, не отличалась ухоженностью и чистотой улиц, большей части жителей города вряд ли были ведомы высокие порывы души, так что, наверное, Волкову даже не было нужды особенно сгущать краски. С другой стороны, в его поэтических зарисовках присутствует изрядная доля критицизма, характерного для общественных настроений предреволюционной эпохи.

Что касается писателей, путешествовавших по Дальнему Востоку, то впечатления у них складывались противоречивые. С одной стороны, их восторгала экзотическая красота девственной природы, масштабы преобразований, героизм и самоотверженность тех, кто начинал в невероятно трудных условиях освоение края. Кроме того, попав сюда из столицы, они не могли не ощутить непривычную для жителей центральной России атмосферу свободы – социально-политической, экономической, духовной. Здесь было гораздо меньше, чем в центре, официоза, казённости, раболепия перед властью предрержащими. И, напротив, больше открытости, смелости в проявлении своих взглядов, в поступках и делах. Об этом по пути на Сахалин писал редактору «Нового времени» А.С. Суворину изумлённый увиденным А.П. Чехов: «Последний ссыльный дышит на Амуре легче, чем самый первый генерал в России». С другой стороны, не оставляли писатели-путешественники без внимания и экзотику со знаком минус. Так, упоминавшийся выше В.Л. Кигн в книге «Панорама Сибири (Путевые заметки)», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1900 году, отдавая должное богатству торговых фирм и магазинов Благовещенска, красоте расположенных на его главной улице зданий, в то же время не без иронии описывал дикие забавы старателей, прогуливающих в городе заработок: «Гуляют нелепо, безумно. Разъезжают по улицам на коровах... Из магазина в кабаки стелют дорожки из материи, которые потом дарят толпе. Покупают органы, биноклей, часов, клистирных трубок, принимая последние за телескопы».

В целом, Благовещенск, Амурская область представлялись посетившим в конце XIX века Дальний Восток русским писателям чем-то вроде «тридевятого царства, тридесятого государства» – то есть диковинным краем, который населяют «туземцы», во многих отношениях отличающиеся от типичных жителей Российской империи. Так, например, тот же Чехов, посетивший Благовещенск летом 1890 года, в книге «Остров Сахалин» пишет: «...Боже мой, как далека

здешняя жизнь от России! Начиная с балыка из кеты, которым закусывают здесь водку, и кончая разговорами, во всём чувствуется что-то своё, не русское. Пока я плыл по Амуру, у меня было такое чувство, как будто я не в России, а где-то в Патагонии или Техасе; не говоря уже об оригинальной, не русской природе, мне всё время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурцам, что Пушкин и Гоголь тут непонятны и потому не нужны...»

Прав или не прав был Чехов? Ощущали ли себя первые амурцы в первую голову русскими людьми, жителями тысячелетней русской цивилизации, находились ли они в координатах традиционной русской культурной парадигмы? Претендующие на достоверность ответы на эти непростые вопросы и может дать изучение такого феномена, как литература Приамурья дореволюционного времени.

Казалось бы, никаких благоприятных условий для культурного развития края в ту пору не было. В том же упоминавшемся 1897 году в Благовещенске было всего 32 тысячи жителей, причём значительную часть населения составляли чиновники, купцы, коммерсанты, рабочие, ремесленники, служащие компаний, военные, золотопромышленники и старатели, мещанство. Местная интеллигенция составляла тонкую прослойку, оказывавшую весьма слабое влияние на формирование общественного мнения, на нравы большинства горожан. Как уже отмечалось, известные российские деятели культуры, в том числе писатели, бывали здесь лишь проездом, в лучшем случае останавливаясь в Благовещенске на короткое время и практически не вступая в контакты с местной интеллигенцией, в том числе творческой (очевидно, не предполагая существование таковой даже в 1890-е годы).

Между тем, несмотря на то, что местных авторов, пробующих себя в сфере художественного творчества, было не так уж много (а, собственно, где их было много – если не брать во внимание Москву, Санкт-Петербург и ещё несколько крупных российских городов?), сравнительно насыщенная литературная жизнь в Благовещенске начинает свой отсчёт уже с первой половины 1890-х годов. Хотя, надо признать, в городе не было литераторов, известность которых простиралась бы за пределы Сибири, Дальнего Востока. Впрочем, откуда им тогда было взяться, на какой культурной почве они могли взрасти, если даже первый орган периодической печати в Благовещенске – еженедельная «Амурская газета» – стал выходить лишь в 1895 году, то есть спустя почти четыре десятилетия с момента основания города. К слову сказать, появление периодической печати стало важнейшим фактором, ускорившим процесс развития литературных интересов и эстетических вкусов на Амуре, давшим мощный импульс местной литературной жизни. Помимо «Амурской газеты» (1895-1906), наиболее значительную роль в становлении амурской литературы сыграли газеты «Амурский край» (1899-1910), «Благовещенск» (1907-1912), «Благовещенское утро» (1912-1917), «Эхо» (1908-1915), «Амурское эхо» (1915-1918).

С литературными журналами, которые появились в Благовещенске лишь в первые десятилетия XX века, дело обстояло несколько хуже. Во-первых, их было мало: «Колучки» (1909-1910), «Пережат» (1912-1913), «Зея» (1914), «Записки любителя» (1916) – вот, пожалуй, и всё. Во-вторых, судьба каждого из них была предельно короткой: после выхода буквально считанных номеров они исчезали, практически не оставив по себе памяти (о чём свидетельствует уже то обстоятельство, что они не сохранились ни в местных частных или общественных библиотеках, ни хотя бы в архивах). Удивляться этому не приходится, ибо в городе в ту пору не было достаточного числа искушённых, обладавших развитым эстетическим вкусом читателей, к тому же испытывавших интерес к местным изданиям. Не хватало и авторов, которые в состоянии были задать этим периодическим изданиям более-менее приличный художественный уровень, которые успевали бы писать в каждый очередной номер содержательно интересные произведения, что, в конечном итоге, позволило бы обеспечить достаточную для выживания литературно-художественных журналов подписку.

Книгоиздательское дело в Благовещенске 1890-х годов тоже только-только начинало своё существование. Выпуском немногочисленной и малотиражной книжной продукции, в том числе художественной, эпизодически занимались типографии Г.И. Клитчоглу, Мокина и Ко и некоторые другие. До недавнего времени художественной книгой, с которой начинается история литературы амурского края, было принято считать сборник стихов П.Ф. Масюкова «Отголоски с верховьев Амура и Забайкалья», выпущенный в Благовещенске типографией товарищества «Д.О. Мокин и Ко» в 1894 году. Однако 2 февраля 2006 года газета «Амурская правда» опубликовала материал, в котором сообщалось о «сенсации», якобы состоявшейся «в литературно-историческом мире Дальнего Востока». Сенсацией было названо «обнаружение» в Амурской областной библиотеке книги некоего Николая Борисовского, которую издала в Благовещенске в 1893 году типография

опеки «Артамонов и Ко». Авторы «сенсации», видимо, не подозревали, что о существовании и местонахождении этой книги некоторым литературным краеведам (например, А.В. Лосеву) было известно лет за тридцать до «открытия». Но вписывать это издание в летопись литературной жизни Приамурья они не спешили. И вот по какой причине. Дело в том, что, в отличие от того же Масюкова, Борисовский не был амурцем, никогда не жил в Благовещенске и никоим образом не был связан с местной литературной жизнью. В отличие от тех, кто родил «сенсацию», учёным-краеведам были известны и некоторые биографические сведения об этом авторе. Николай Фомич Борисовский (1873-1918) – сибирский журналист, сотрудник газет «Сибирский вестник», «Владивосток» и некоторых других уральских, сибирских, забайкальских и дальневосточных изданий. В них он публиковал свои стихотворения, фельетоны, очерки. Так, например, в газете «Владивосток» в 1892 году были напечатаны три его стихотворения: «На охоте» (№ 45, 8 ноября), «Дорогому краю» (№ 48, 29 ноября) и «Почтальон на Амуре» (№ 48, 29 ноября). Ну и главное: А.В. Лосев давным-давно выяснил, что сборник стихотворений и прозы Н. Борисовского «Картинки сибирской жизни», якобы претендующий на то, чтобы именно он считался «точкой отсчёта» в истории амурского художественного книгопечатания, впервые был издан в 1889 году в Тифлисе (ныне Тбилиси), а затем в 1890 году переиздан в Митаве (после 1917-го – город Елгава, Латвия). То есть, хотя ни автор, ни издатель на это не указывают, выпущенная в Благовещенске книга – третье по счёту издание сборника Борисовского. Так что вряд ли стоит выдвигать её на роль первой амурской художественной книги. Она такая же «амурская», как, скажем, «грузинская» или «латвийская».

А вообще же, если говорить об изначальных истоках, литературная жизнь на Амуре стала зарождаться ещё на рубеже 50-60-х годов XIX века, то есть практически одновременно с началом освоения края. Об этом можно судить по немногочисленным дошедшим до нас анонимным рукописным произведениям той поры. Часть данной литературной продукции – сатирические стихи и памфлеты, в которых обличались представители местной администрации, допуская злоупотребления властью, при которых процветали показуха, взяточничество, казнокрадство. Нередко объектом сатирического осмеяния оказывались главный организатор «амурского дела» – генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьёв и его сподвижники. Самое известное произведение подобного рода – стихотворение неизвестного автора «1859 год на Амуре», которое представляет собой сатиру на первого военного губернатора Амурской области Н.В. Буссе – человека, по некоторым отзывам, амбициозного и тщеславного, пользовавшегося репутацией выскочки:

...Генерал иркутский Буссе,
Губернатор в новом вкусе,
Дуй его горой!
Он большой руки оратор,
Дипломат, администратор,
Он же и герой! <...>
Весь облит мишурным светом,
Он приехал прошлым летом
С молодой женой. <...>
Понабрались с ними франты,
Гальтерманы, Гильдебранты;
Тут же и Петров.
Поломали стары хаты,
Возвели дворцы-палаты,
Хоть морозь волков!..

В рукописных списках стихотворение «1859 год на Амуре» распространялось в 1860-е годы, а опубликовано было в журнале «Русский архив» несколько десятилетий спустя (1896. Кн. III. № 10. С. 288-289).

Первые же прозаики и поэты, выступавшие в дальневосточной и сибирской печати под собственными именами или псевдонимами, появились в Приамурье, как уже отмечалось выше, в 1890-е годы. В отличие от большинства побывавших в конце XIX века на Дальнем Востоке известных писателей (Д.И. Стахеев, С.В. Максимов, А.Я. Максимов, Н.Г. Гарин-Михайловский, В.Л. Кигн и др.), в путевых заметках которых чаще всего описывалась дальневосточная «экзотика», наиболее талантливые местные авторы показывали жизнь амурского края более

глубоко и объёмно, так как смотрели на неё не со стороны, не взглядом стороннего наблюдателя, а изнутри. В их творчестве нашли отражение подлинные мысли и чувства, подлинная психология тех, кто непосредственно участвовал в освоении края, кто жил, трудился, служил на Амуре. Местные прозаики и поэты с большим знанием дела судили об амурских поселенцах, представляющих разные слои общества, сословия, профессии. Они в тонкостях знали особенности местной жизни, разные её грани и сферы, а потому наиболее значительные, наиболее талантливые произведения амурских писателей являются важным источником исторической информации, ценнейшим материалом для изучения дореволюционной истории нашего края, для восстановления подлинной картины социальной и культурной жизни Приамурья рубежа XIX-XX веков.

Амурские авторы улавливали и в своих произведениях запечатлевали то, что не могло найти воплощения ни в каких документальных источниках: живой облик города, те непосредственные ощущения, которые Благовещенск производил на тогдашних жителей. Этого не в состоянии передать ни одна фотография той поры, ни одно самое точное литографическое изображение.

И ещё одна важнейшая сторона жизни, которую они отобразили в своих произведениях и которую нельзя узнать ни по каким другим источникам – душевные и духовные качества людей, живших в определённых исторических и географических координатах, их этические и эстетические идеалы. Очень важно, что объектом художественного интереса амурских авторов становились не только явления государственно-политической и социально-экономической жизни, но и, что особенно интересно и поучительно для нас, – повседневность, быт, каждодневное существование, чувства, переживания обычных людей давно ушедшей эпохи.

Нельзя не сказать ещё об одной особенности культурной (в том числе литературной) жизни Приамурья рубежа XIX-XX столетий. Существенный вклад в развитие амурской печати и – в меньшей степени – художественной литературы внесли политические ссыльные: П.Д. Баллод, А.Н. Бибергаль, Л.Г. Дейч, А.В. Прибылёв, А.П. Прибылёва-Корба, С.С. Синегуб, Э.А. Плоский и др. Они активно сотрудничали в ряде благовещенских газет, находя возможности прямо или завуалировано выражать свои левые («прогрессивные», как тогда говорили) взгляды. Благодаря ссыльным интеллектуальный и творческий потенциал Амурского края существенно вырос. Именно политические ссыльные определяли идейное направление таких влиятельных периодических изданий, как «Амурская газета» (когда её фактическим редактором был С.С. Синегуб) и «Амурский край», именно они во многом формировали общественное мнение и эстетические вкусы.

Влияние демократических идей, ретрансляторами которых являлись жившие в Благовещенске ссыльнопоселенцы, так или иначе сказывалось на тематике, идейной направленности творчества многих амурских авторов.

Итак, подведём некоторые итоги.

Первый из них заключается в том, что литературная жизнь Приамурья дооктябрьского периода изучена пока ещё недостаточно полно и основательно. Подлинный её масштаб всё ещё скрыт от нашего взгляда. До сих пор остаются неизвестными или практически неосмысленными многие литературные факты и явления. А известные, ввиду своей единичности и разрозненности, не складываются пока в общую картину. Тем более, их недостаточно для того, чтобы представить литературный процесс на Амуре в развитии, в живой динамике. Имена большей части писателей, живших в эти годы в Приамурье, мало кому известны, произведения их сейчас практически недоступны, так как не переиздавались в течение более чем столетия. Часть из них бесследно потеряна, часть рассеяна по страницам периодической печати огромного региона, по газетам, которые в лучшем случае можно найти, причём далеко не в полной комплектации, лишь в крупнейших архивах и книгохранилищах страны.

Второй итог касается оценки идейно-художественного уровня произведений писателей Приамурья. Тот факт, что Амурский край не выдвинул в дореволюционное время писателей, получивших признание в масштабах всей России, ещё не означает, что литературная жизнь региона носила сугубо провинциальный, «местечковый» характер. Что здесь не было авторов, которые могли бы занять достойное место в контексте общероссийской литературы, которые заслуживали более широкого круга читателей. На такую роль, как представляется, вполне могли претендовать Леонид Волков и Фёдор Чудаков, если бы их творчество попало в поле зрения столичных критиков и издателей. Но и творчество других амурских авторов, даже менее одарённых (П. Масюкова, Г. Шпилёва и некоторых других), представляет несомненный интерес – и сугубо эстетический, и познавательный. Изучение, освещение литературной жизни Благовещенска может существенно

дополнить общую картину развития русской литературы, обогатить её крайне важными деталями и красками.

Четвёртый вывод состоит в том, что местная литература при всей своей региональной специфичности, которая проявлялась прежде всего на тематическом уровне, не была автономным, а тем более чужеродным явлением в общероссийском литературном процессе. Напротив, она отразила, вобрала в себя многие его особенности и закономерности, хотя и по-своему, в соответствии с собственными темпами развития. Одно несомненно – литературная жизнь Приамурья множеством зримых и незримых нитей была связана не только с литературой громадного сибирско-дальневосточного региона, но и с литературой центральной России.

Ну и, наконец, последнее. Тем, кто интересуется историей литературной жизни Приамурья, не следует впадать в крайности: либо в патриотическом порыве превозносить местных авторов, делать из них чуть ли не классиков отечественной словесности, либо, напротив, относиться к ним с пренебрежением, принижать их, умахать значимость их творчества. Можно, конечно, назвать объективные причины, помешавшие более быстрому развитию литературы Приамурья: малонаселённость края, удалённость его от крупнейших культурных центров страны, отсутствие на берегах Амура профессиональной критики, недостаток специальных периодических изданий и т.д. Думается всё же, что даже в своём реальном облике литература Приамурья не нуждается в снисходительных оценках. На рубеже XIX-XX столетий она весьма динамично развивалась, обогащаясь новыми идеями и художественными формами, которыми была насыщена сама атмосфера эпохи. Уже к середине 1890-х годов в Благовещенске – административном центре Амурской области сформировалась своя литературная среда, пусть и не очень мощная. С годами она лишь наращивала свой потенциал, постепенно, шаг за шагом готовя почву для нового витка культурного развития.